

ИНТЕГРАЦИЯ ЯЗЫКА ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ СОЗНАНИЯ?

К.К. Маматалиев

*Президент Общественного объединения «РИПС»
(реализация инициатив, прав и свобод), г. Бишкек*

Кыргызстан - одно из первых государств бывшего Советского Союза, начавшее активно проводить демократические преобразования после распада союзного государства. В Кыргызстане стали приниматься законы и нормативные акты, которые, по мнению их разработчиков, способны были обеспечить законодательную основу демократическим процессам. Эти процессы стали толчком к принятию в 1991 году закона, согласно которому кыргызский язык был признан государственным языком. Придание только одному языку статуса государственного стало причиной тому, что многие жители республики почувствовали неуверенность в завтрашнем дне. В ряде изданий республиканских средств массовой информации, все больше звучало призывов закрепить законодательную основу скорейшим переводом делопроизводства полностью на государственный язык. Сторонников, особенно из представителей титульной нации, придания русскому языку

равноправного статуса наряду с кыргызским, некоторые «новые демократы», рассматривали чуть ли не в качестве «предателей» национального самосознания. Такая эйфория демократической свободы вызвала замешательство, прежде всего в той части населения, кто по рождению принадлежал к титульной нации, а по языку - к русскоговорящим. Причины такого положения дел складывались задолго до распада СССР. Многие родители считали, что только знание русского языка открывало доступ к получению хорошего образования (преимущественно в центральных городах России), открывало перспективу карьерного роста. Они явились заложниками своего времени и своих убеждений. В этих семьях с самого раннего возраста старались общаться с детьми только на русском языке и отдавать их на обучение в русскоязычные школы. Парадокс ситуации заключался в том, что зачастую сами родители плохо знали русский язык и всеми силами

старались привить своим детям то, что они сами знали слабо.

В первые годы принятия закона о государственном языке государство принимало активные усилия для того, чтобы население, не владеющее в достаточной степени кыргызским языком, смогло овладеть им. Повсеместно стали организовываться кружки, курсы по изучению кыргызского языка, проводиться различного рода семинары. Однако эти усилия мало имели успеха, и активно начавшись, пошли на спад. Сознание еще недавно бывших «советских людей» не воспринимало этот процесс как необходимость, которая в скором времени может сказаться на их будущем.

Для обладателей еще в недавнем прошлом «великого и могучего» русского языка постепенно стала сужаться сфера приложения своих знаний и умений пределами только крупных городов республики. Среди многих это стало своего рода мощным психологическим надломом сознания. Нельзя гово-

INTEGRATION OF LANGUAGE OR INTEGRATION OF CONSCIOUSNESS?

K. K. Mamataliev

*President of the RIPS Society (Realisation of Initiatives,
Rights and Freedom) Bishkek, Kyrgyzstan*

Kyrgyzstan was one of the first States of the former Soviet Union to begin active democratic reforms after the collapse of the Soviet state. As one of the first states in the Union of Independent States, Kyrgyzstan started to adopt laws and norms which, in the opinion of those who had elaborated them, were able to guarantee the legal basis for democratic processes. These processes became the motivation for passing the law that recognised the Kyrgyz language as the state language in 1991. The fact that only one language was recognised as the state language created feelings of insecurity about the future for many thousands of inhabitants of the Republic. In some of the country's mass media, there were increasing calls to strengthen the legal basis by making a prompt transition of all official documentation to the state language. The «new democrats» saw those who supported the idea to give the Russian language a status equal to the Kyrgyz language almost as «betrayers» of the national identity, especially if these support-

ers were representatives of the titular nation. This euphoria of democratic freedom caused confusion, especially in those parts of the population who by birth belonged to the titular nation, but who by language belonged to the Russian-speaking population.

The foundation for this situation was laid long before the collapse of the Soviet Union. Many parents thought that only a good command of Russian would open doors to quality education (preferably in the central cities of Russia) and open perspectives for professional careers. They were prisoners of their time and their convictions. In these families, they tried to speak to their children only in Russian from the very beginning and then send them to be educated in a school where Russian was used as the language of instruction. The paradox of the situation is that very often the parents themselves had poor competencies in Russian and with all their strength tried to cultivate in their children something that they didn't know themselves.

In the first years after the passing of the law on the state language, the government made active efforts to open opportunities for those who did not know Kyrgyz well enough to learn. Everywhere they organised study groups, language courses, and various seminars. However, these efforts had little success and declined after they had started out so actively. The consciousness of the people who had so recently been «Soviet people» did not accept this process as something necessary or that could in a short time have an influence on their future.

Those who know the Russian language (which not long ago had been known as «great and powerful») found that the spheres in which they could apply their knowledge and skills started to shrink back to the boundaries of only the bigger cities of the country. For many people, this became a powerful breach of consciousness. There were many Russian-speaking Kyrgyz who did try to learn the language of their ancestors. Very of-

речь о том, что многие кыргызы, носители русского языка, не принимали попыток изучить свой родной по рождению язык. Но зачастую это сводилось к изучению языка на бытовом уровне, что существенно ограничивало их, создавая своеобразный языковой барьер к глубокому и всестороннему общению и проведению своей работы в регионах страны.

Не умаляя значение русского языка, следует сказать, что для многих знание его в сложившихся новых условиях стало не преимуществом, а, наоборот недостатком.

Активно пропагандируемая в годы Советского Союза идеология интернационализма стала катализатором для создания смешанных браков, когда семьи создавались представителями различных национальностей, и где в обиходе использовались разные языки. Но во многих этих семьях доминирующим выступал русский язык, который становился основным средством общения.

Представители этих браков, причисляя себя к той или иной национальной принадлежности по линии отца, в новых условиях оказались в довольно сложном положении: владение кыргызским языком, было «размыто» смешением языка по материнской линии и усилением в этой связи роли русского языка. Общественное мнение требовало знание языка по отцовской линии и от тех, в чьих семьях это знание было размыто. С усилением зна-

чения государственного языка в общественно-политической жизни эта категория населения зачастую стала испытывать психологический дискомфорт оттого, что не хорошо знают родной язык, считая, что это в конечном итоге может повлиять на их общественный статус. Ряд исследований по проблеме языковой политики, прямо указывает на то, «что только владение государственным языком может обеспечить социальные предпосылки для достижения определенного положения в обществе, в вопросах трудоустройства, продвижения по службе». Эта проблема остается проблемой внутригруппового значения, и не стала еще социально значимой для общества. Но умалчивать о том, что зачастую незнание кыргызского языка во многом влияет на социально-общественное положение и создает определенные препятствия для полноценного участия в общественной жизни, не представляется возможным. Результаты проведенного Общественным фондом «РИПС» анализа публикаций средств массовой информации показали, что практически материалов по данной теме не имеется. Сегодня нельзя отрицать наличие в этом вопросе психологического, правового и нравственного аспекта. В какой то степени эта проблема была смягчена в 2000 году с введением поправки в Конституцию Кыргызской Республики о придании русскому языку статуса официального, в связи с

тем, что русский язык является основным языком межнационального общения.

Общественный фонд «РИПС», созданный в 2003 году, одной из основных сфер своей деятельности, наряду с другими, видит именно в детальном изучении проблемы, связанной с реализацией своих прав и возможностей носителями русского языка, в оказании им всяческой психологической и правовой помощи, в содействии овладению государственным языком. Проект швейцарской организации «CIMERA» является уникальным проектом по многоязычному образованию, реализуемым в Кыргызстане, и открывает новые перспективы и возможности в этой работе, что будет способствовать решению существующих проблем в языковой сфере. Дальнейшая реализация данного проекта во многом зависит от информационного обеспечения, поддержке широких слоев населения.

Кыргызстан является страной, где более 80 % населения исповедуют ислам. Влияние духовных лидеров в местных сообществах огромно. И думается, было бы правильно провести среди них разъяснительную работу по важности и необходимости участия в данном проекте местных сообществ, для того, чтобы с помощью духовных служителей стали возможными поддержка и участие в реализации проекта более широких слоев населения.

ten, however, this resulted in them learning only the everyday language, which restricted them significantly and resulted in a peculiar language barrier that prevented them from obtaining sound knowledge, which would enable them to communicate on equal terms with other Kyrgyz-speaking people or work in the regions of the country.

The creation of new conditions, in which the languages exchanged their roles, became a sort of integration of language into consciousness.

Not diminishing the importance of Russian, it is worth stating that in this new situation, many people find that knowing the Russian language has become not an advantage, but on the contrary, a shortcoming.

The ideology of internationalism, which had been propagated during Soviet times, had become the trigger for the establishment of mixed marriages, in which families were founded by representatives of different ethnic groups, and in which various languages were used in everyday life. But in many of these families, the Russian language was dominant and became the main means of communication.

In these new conditions the representatives of these marriages, who saw themselves as parts of one or the other ethnic group according to the father's line, found themselves in a quite difficult situation. The Kyrgyz language was

mixed by influence from the mother's language and by the growing role of Russian. Public opinion held that one should know the language of one's father. This request also concerned those living in families where this knowledge had been washed away. With the growing importance of the state language in public and political life, this category of the population has very often experienced psychological unease. They thought that not knowing their mother tongue might have a negative effect on their public status in the long run. A series of studies on the problem of language policy directly shows that «only a good command of the state language can guarantee the social prerequisites necessary to achieve a certain status in society, in professional life and in service careers». This has been an important problem within smaller groups, and has not yet become a social problem for society as a whole. But it seems impossible to keep silent about the fact that not knowing the Kyrgyz language greatly influences one's social and public situation and creates certain obstacles for equal participation in public life. The results of an analysis of mass media publications, which was carried out by the public foundation «RIPS», show that there is almost no information about this topic. Today, one cannot deny the existence of the psychological, legal and moral aspects of this question.

To a certain extent, this problem was diffused in the year 2000 when the Constitution of the Kyrgyz Republic was adapted and the Russian language was given official status, in connection with the fact that Russian is the most important language of interethnic communication.

The public foundation RIPS, founded in 2003, focuses on (among other things) the detailed analysis of problems related to the realisation of the rights and possibilities of the Russian-speaking population, on supporting them with psychological and legal support, and on helping them to learn the state language. The multilingual education project of the Swiss organisation CIMERA is unique for Kyrgyzstan. It opens new perspectives and possibilities in this field, which will make it possible to solve the currently existing problems in the sphere of languages. The further realisation of this project will depend mainly on good information and the support of a broad public base.

Over 80% of the population of Kyrgyzstan professes Islam. The influence of spiritual leaders in local societies is therefore immense. It seems that it would be right to conduct explanatory work among them and to explain the importance and necessity that they take part in this project, in order to get the support and participation of a broader public in the project with the help of spiritual servants.